

Я.Ю. Шашкова

РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕРРОР: К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНИКОВ 60-70-Х ГГ. XIX В. К ТЕРРОРУ КАК МЕТОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ

Вторая половина XIX в. вошла в историю России как период радикализации общественной жизни, оформления революционного движения и появления особого типа человека – «профессионального революционера», что ярче всего проявилось в теории и практике революционного народничества 1860-1870-х гг. Данное общественное движение одним из первых в России поставило вопрос о необходимости создания политической партии для достижения своей цели, которой все его идеологи и практики считали построение социализма. Средством ее достижения выступала революция, призванная разрушить прежние общественные отношения и утвердить новые.

Являясь фактом насильственного переустройства общества, она совершалась массами под руководством партии. Понимание же хода революции, характера ее подготовки, а также объекта и границ революционного насилия у представителей «бунтарского», «пропагандистского» и «заговорщического» направлений народничества было различным.

М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и их сторонники осторожно относились к революционному насилию в форме террора и считали, что оно должно направляться против общественных институтов и применяться очень осмотрительно. В противном случае общество справедливости будет недостижимо. Говоря о методах работы партии при подготовке революции и после нее, они отдавали предпочтение пропаганде и агитации.

П.Н. Ткачев и его единомышленники, С.Г. Нечаев, «народовольцы» рассматривали террор как неизбежный и необходимый элемент революции. Революционное насилие ими направлялось против людей, препятствующих, по их мнению, утверждению социализма или не поддерживающих его.

Теоретически обосновывая либо отвергая тот или иной смысл революционного насилия и метод подготовки революции, все они переводили этот практический вопрос в плоскость вечной и особенно популярной в

XIX в. этической-политической проблемы соотношения целей и средств.

О необходимости их согласования говорил П.Л. Лавров. Вслед за концепциями православия и И. Кантом он утверждал, что средством для распространения истины не может быть ложь. Если цель – справедливость, то она не может быть достигнута ни эксплуатацией, ни авторитарным господством личностей, ни захватом незаработанного богатства. Борьба в разных формах также есть не более как средство, смысл же ее, цель лежат в принципах социализма, за которые она идет. Признавая возможность такой ситуации, когда в борьбе придется употребить и ложь, и принуждение, и захват орудий борьбы, Петр Лаврович, в тоже время, предостерегал, что без «крайней и временной необходимости» эти средства искажают цель. Особенно они недопустимы в среде единомышленников, товарищей по партии. «Мы безусловно отвергаем, – провозглашал он, – употребление нецелесообразных средств, т.е. средств, возможность которых крайне гадательна, или таких, которые годны в данную минуту, но неизбежно принесут более вреда, чем пользы при их внесении в программу деятельности, или таких, наконец, употребление которых противоречит в принципе самой цели наших стремлений» [1, с. 23]. В ходе же политической борьбы возникает угроза легкого превращения средств в ближайшие, заслоняющие собой главные, цели. Более того, «борцы за справедливость становятся способны употреблять оружие монополий даже против борцов другой фракции за справедливость». В результате почти исчезает разница между ближайшими целями защитников старого порядка и социалистов, и последние, по мнению П.Л. Лаврова, становятся неспособными к построению общества справедливости [2, с. 499].

Противоположную точку зрения отстаивал П.Н. Ткачев. От имени «реалиста» теоретик «заговорщиков» провозглашал: «Что полезно для общества, что способствует осуществлению человеческого счастья, то и

справедливо». Он отводил аргумент Лаврова, что создание аппарата насилия, подобно существовавшему в старом обществе, будет развращать членов нового общества, соединяя понятие справедливости с явлениями «необходимости» без какого-либо «нравственного побуждения» [3, с. 228]. В этих словах выражена традиция, представленная древнеиндийским политическим деятелем Каутилей, Н. Макиавелли, а среди народников - членами кружка Н.А. Ишутина, действовавшего в Москве в 1863–1866 гг., и С.Г. Нечаевым, для которых законом было «не обращать внимания ... на средства для достижения цели – употреблять» и кинжал и яд (Цит.по: [4, с. 223]).

В то же время, почти все рассматриваемые нами народнические партии и протопартии данного периода предусматривали при подготовке к революции использование террора как метода деятельности, изменяя лишь степень его приоритетности, что определялось периодом функционирования (до конца 1870-х гг. Преобладающими были пропаганда и агитация, а позднее – терроризм) и идейной ориентацией конкретной организации (см., например: [5, 6, 7]).

При этом следует отметить, что ни одно другое направление деятельности революционной партии не вызывало и не вызывает до сих пор такую бурю эмоций и разногласий, как террор. Его обоснованием или отрицанием занимались почти все теоретики революционного народничества. Именно дискуссия вокруг вопроса о необходимости и оправданности террора и породила их выход на отмечавшуюся в начале проблему соотношения целей и средств в революционной деятельности.

К наиболее рьяным и последовательным противникам данного метода можно отнести П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина. Последний никогда не высказывался в пользу индивидуального террора, хотя и был сторонником бунтов и экспроприаций. Еще в 1862 г. в заметке «Петербургская нескромность», указав на жесткие репрессии русского правительства в Польше, Бакунин писал: «И после этого вы смеете удивляться, что поляки, доведенные таким зверством до безумного отчаяния, прибегают к последнему средству отчаянных, к убийству! *Мы не верим в это средство освобождения* (курсив мой. – Я.Ш.), но перед совершившимися попытка-

ми молчим, у нас нет духа поднять голоса против трех несчастных, погибших, потому что мы знаем, что наши делают в Польше» [8, с. 1199].

И позднее, в конце 1860-х гг., разрабатывая планы «Альянса» по осуществлению революции, Бакунин также отмечал, что она будет направлена против положений и вещей, но не против людей. Так как путем разрушения государства и экспроприации их собственности враги революции будут лишены средств ей вредить, то не будет надобности применять к ним правовые меры, «имеющие то неприятное свойство, что рано или поздно они приводят к досадной реакции» [9, с. 348].

В этих словах, на наш взгляд, Бакунин предстает не только противником террора, но и, возможно, романтиком революции. Следовательно, мы не можем полностью согласиться с точкой зрения утверждавшего обратное дореволюционного историка Б.Б. Глинского, несмотря на авторитетность его сочинения [10, ч. 1, с. 380].

Другим противником террора выступал П.Л. Лавров. По его мнению, террористические приемы, наряду с анархическими началами, составляют едва ли не самые серьезные опасности для успеха революционной партии. Во-первых, они приводят к истощению сил партии в борьбе с более многочисленным врагом. Во-вторых, дают возможность появления в ряду доверенных лиц и даже руководителей энергичных, но слабо понимающих конечные цели террора людей, которые в ответственные моменты могли нанести партии существенный вред [11, с. 443]. В-третьих, увлечение индивидуальным террором расплывает силы партии в момент революции и подрывает ее программу [2, с. 475]. И, наконец, в-четвертых, он понимал, что терроризм – это тот путь, с которого трудно сойти, не признав открыто слабости партии, не признав себя в глазах посторонних наблюдателей побежденными и не подорвав своего влияния в совершающейся борьбе [12, 198].

Таким образом, делал вывод П.Л. Лавров, политический террор есть «оружие крайне опасное и остается опасным в России; тяжелую ответственность берут на себя те, которые к нему прибегают» (Цит. по: [11, с. 443]). Успехи же партии на этом пути чисто случайны и нисколько не страхуют ее от

больших неудач и большого вреда в близком или более отдаленном будущем.

Вместе с тем, несмотря на предостережения Бакунина и Лаврова, в практике революционеров середины – конца 1870-х гг. террор становился все более популярным.

В исследовательской литературе также распространено отрицательное отношение к террору как методу политической деятельности. Хотя считалось и считается, что переход к нему был вызван рядом причин: репрессивной политикой самодержавия, провалом «хождения в народ», враждебностью и незаинтересованностью народа в социалистической пропаганде, отсутствием видимого эффекта работы, разочарованием студенческой молодежи в пропаганде и агитации (см.: [11, 13, 14, 15, 16]).

Признавая это, мы все-таки полагаем, что главной в подобном переходе была органичность террора народнической теории революции, рассмотрение его народниками как способа управления обществом с помощью превентивного устрашения накануне и в ходе революции. В его задачи входило добиться массовой поддержки революции путем провозглашения самодержавия источником всеобщего зла, а также консолидации народа после революции путем объявления всех антиреволюционных сил непримиримыми врагами общества и борьбы с ними. В концентрированном виде это впервые было выражено в прокламации «Молодая Россия» (1862). Ее автор – П. Заичневский – не признавал никаких ограничений меры революционного насилия. В ходе восстания произойдет, по его мнению, расправа с народными «притеснителями», «прольется река крови», может быть, погибнут «невинные жертвы». В отношении господствующих слоев дело может ограничиться только истреблением императорской фамилии, либо встанет вопрос об их существовании до единого человека. В последнем случае революционная партия выдвинет призыв: «В топоры!», и во имя «великого дела социализма» начнутся массовые репрессии. Повсюду будут действовать по принципу: «кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами» [17, с. 330, 333-334]. Близкие идеи содержались и в теории партии П.Н. Ткачева.

Кроме того, выдвижение на первый план в революционном движении второй половины 1870-х гг. политических целей и лозунгов в ущерб социальным повлекло за собой и необходимость смены методов деятельности также на политические, одним из которых является террор.

Справедливо подмечая, что все народные движения, от восстания Спартака до Парижской Коммуны, начинались в периоды, когда в высших, правящих слоях общества царил хаос, беспорядок, безначалие или многоначалие, когда рука «власти придержащей» начинала дрожать и колебаться, Ткачев давал партии установку на дезорганизацию самодержавия методом систематического террора, чтобы оно не имело времени ни вдуматься, ни придти в себя, ни собраться с силами [18, с. 445, 447]. Таким образом народ революционизируется, а государство ослабнет, что и позволит совершить победоносную политическую революцию.

Однако и после этого, по мнению Ткачева, эпоха террора не заканчивается. Он по-прежнему направлен против врагов нового порядка и является не только необходимостью, как считал Лавров, но и справедливостью, так как служит делу утверждения нового общества и оправдывается им. При этом даже может использоваться карательная машина прежнего государства. Революционеры сохраняют ее форму, но меняют ее направленность, что сразу, по Ткачеву, делает ее справедливой. «Вот почему, – отмечал он, – Мараты, Фукье, Теквили, Раули Риго возбуждают к себе наше сочувствие и симпатию ... А прокуроры и палачи божьих помазанников, конституционных монархов и буржуазных республик вызывают в нас лишь чувства ненависти и подозрения. Никто не решится поставить их на одну доску, а между тем внешняя форма их деятельности, та легальная машина, которую одни направляли ко вреду, другие – на пользу общества, были совершенно одинаковы» [3, с. 229].

В тоже время, признавая «великое нравственное и агитаторское значение» вооруженных сопротивлений, демонстраций, казней государственных чиновников, сыщиков и шпионов, Ткачев предупреждал, что «для развития революционного дела в России будет в высшей степени вредно, если это средство будет возведено в цель. Он рассматри-

вал их только как форму политической борьбы, цель которой – увлечь за собой народ по революционному пути. «Мы стремимся, – писал он, – не к уничтожению того или иного лица, воплощающего в себе те или другие функции... власти, мы стремимся к уничтожению самой этой власти» [18, с. 445].

Именно в силу своей конечной задачи смысл террора, подчеркивал Ткачев, заключается в его соединении с насущным вопросом минуты – наличием организации, объединяющей революционные силы, способной овладеть государственной властью. Только при этом условии отдельные акции местных кружков создадут последовательность и систематичность борьбы и станут служить непосредственной цели – политической революции [18, с. 445].

В конце же своей жизни теоретик «заговорщического» направления уже без всяких оговорок рассматривал террор в качестве «единственного средства нравственного и общественного возрождения России». «Революционный терроризм, – заявлял Ткачев, превосходя даже народовольцев, – является ... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, но является единственным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина» (цит. по: [19, с. 199]).

Таким образом, П.Н. Ткачев первым в отечественной литературе дал теоретическое осмысление террора как метода деятельности революционной партии, дал санкцию стихийно возникшей в народнической среде террористической практике по отношению к шпионам, предателям, а затем и представителям власти и имевшей поначалу характер самозащиты и мести.

Именно таким террором в конце 1870-х гг. систематически занимались землевольцы и народовольцы. Зачинателями же его были члены кружка Н.А. Ишутина, действовавшего в Москве в 1863-1866 гг. Однако, разрабатывая планы царевубийства, они, в отличие от народовольцев, не добивались ни Конституции, ни захвата власти, – они были ее противниками. Народ увидит, казалось им, что у него есть заступники, и результатом царевубийства, или нескольких повторных царевубийств, станет народная социальная рево-

люция. При этом они не объясняли, почему народ, узнав, что у него есть заступники, совершит именно революцию, а не устроит бунты и погромы. Но и если революция все-таки совершится, ишутинцы не считали свою задачу оконченной. Созданный ими «Ад», оставаясь тайным обществом, продолжал бы «направлять все к благу широких народных масс, следить внимательно за действиями партий и отдельных вожаков и, в случае надобности, прибегать к политическим убийствам» [20, с. 28].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что переход к террору народнических партий был обусловлен рядом причин объективного и субъективного характера. Впервые же пункт о дезорганизации сил врага появился в программе «Земли и воли» 1870-х гг. наряду с задачами агитации, организации и пропаганды. И если в первоначальном кратком варианте программы только говорилось о «дезорганизации государства», дающей революционерам «надежду на победу при той силе организации, которую создаст агитация в ближайшем будущем», то последующая, развернутая редакция программы уже содержала целый раздел («Часть дезорганизаторская»), предусматривавший заведение связей в войсках, главным образом среди офицеров, привлечение на свою сторону служащих правительственных учреждений и «систематическое истребление» людей, «которыми держится... ненавистный нам (революционерам. – Я.Ш.) порядок», в том числе «наиболее вредных или выдающихся» правительственных деятелей [5, с. 33].

Не ограничиваясь данной декларацией, землевольцы и на практике развернули «дезорганизаторскую» деятельность, заключающуюся в освобождении арестованных товарищей с применением при этом оружия; в самозащите, т.е. в истреблении шпионов и провокаторов; в расправе-убийстве особо усердных в борьбе с революционерами представителей власти, когда того требовала «честь революционной партии». Наконец, в момент народного восстания землевольцы допускали убийство видных сановников в целях дезорганизации правительства. Вместе с тем, как справедливо, на наш взгляд замечает В. Левицкий [21, с. 47], они сознавали опасность пути террора, легко превращающегося в цель политической борьбы, и

весьма осторожно пользовались им. «Не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс ... Террористы – это не более как охранительный отряд, назначение которого... оберегать работников (в народе. – Я.Ш.) от предательских ударов врагов» [22, с. 42].

Однако в 1879 г. в рамках «Земли и воли» организуется террористическое направление – будущее ядро исполнительного комитета «Народная воля», которое начинает издавать листки «Земли и Воли» под редакцией Н.А. Морозова. В них открыто проповедовался террор как лучшее средство агитации и лучший метод революционной партии. Политические убийства, по словам Н.А. Морозова, не просто акт обороны или мести, как утверждали до этого времени землевольцы, но «осуществление революции в настоящем, самое страшное оружие для наших врагов, – оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов; вот почему мы признаем политические убийства за одно из главных средств борьбы с деспотизмом» (Листок «Земли и воли». 1879. № 2–3. Цит. по: [10, ч. II, с. 301–302]).

Иными словами, к концу 70-х гг. XIX в. взгляд на террор постепенно изменился. Он превратился в главное орудие борьбы для достижения поставленной цели политического и экономического освобождения народа и своего максимального распространения достиг в деятельности «Народной Воли», что сейчас не очень убедительно пытаются оспорить некоторые исследователи (см., например: [16]).

Трактовка данного метода народовольцами была очень близка идеям П.Н. Ткачева. Террор оправдывался ими невозможностью вести пропаганду и агитацию в народе, необходимостью изменить эту ситуацию, обуздать правительственный произвол. По программе исполнительного комитета он включал в себя уничтожение видных деятелей правительства, защиту партии от шпионов, наказание случаев насилия и произвола со стороны правительства или администрации и определялся как средство, способствующее осуществлению революции. Смысл его партия видела в непрерывном, систематическом доказательстве возможности борьбы против правительства, возможности по-

средством его поднимать революционный дух народа и веру в успех дела и формировать революционные силы [6, с. 51].

Формулировка террора в «Подготовительной работе партии» фиксировала его роль в практической деятельности «Народной воли», бросившей в террор все свои силы. «Искусно выполненная система террористических предприятий, – разъяснялось в документе, – одновременно уничтожающих 10-15 человек – столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, то есть создаст удобный момент для нападения» [6, с. 305]. Террор рассматривался как непосредственный, «архимедов», рычаг для опрокидывания всей державной пирамиды и захвата власти. Именно на этом делал акцент в своих работах П.Н. Ткачев.

Очень выразителен в плане сравнения идейных платформ Ткачева и «Народной воли» раздел Е программы исполнительного комитета, где излагались «руководящие принципы действий партии». Народовольцы допускали по отношению к правительству как к врагу применение принципа «цель оправдывает средства, то есть всякое средство, – устанавливала программа, – ведущее к цели, мы считаем дозволительным». Этот принцип распространялся также на лица и общественные группы, действовавшие заодно с правительством в его борьбе с революционерами. [23, с. 174].

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что, возникнув позже агитации и пропаганды, террор как метод деятельности революционной партии к концу 70-х гг. XIX в. под влиянием внутривластной ситуации почти полностью вытеснил их из теории и практики народнического движения. Однако он стал, на наш взгляд, и концом народничества, обнажив неподготовленность народа к восприятию социалистических теорий, несостоятельность ожиданий революции в ближайшее время и попыток подтолкнуть ее вследствие «революционного нетерпения» студенческой молодежи в рассматриваемый период, а также из-за людских потерь, которые понесло народническое движение, вступив на этот, изначально обоюдоострый, путь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров П.Л. Вперед! – Наша программа // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М.; Л., 1964.
2. Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2. М., 1965.
3. Ткачев П.Н. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1976.
4. Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976.
5. Программа Общества «Земля и Воля» // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М.; Л., 1964.
6. Литература партии «Народная воля». М., 1930.
7. Устав Всероссийской социально-революционной организации // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М.; Л., 1964.
8. Колокол. Вып. V. (1862 г.). М., 1962.
9. Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. Т. 2. М., 1927.
10. Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): Ист. очерки. В 2-х ч. СПб., 1913.
11. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912.
12. Итенберг Б.С. Лавров и «Народная воля» // Ист. записки. Т. 110. М., 1984.
13. Тун А. История революционных движений в России. Харьков, 1924.
14. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958.
15. Плимак Е.Г., Хорос В.Г. «Народная Воля»: история и современность // Вопросы философии. 1981. № 5.
16. Троицкий Н. Друзья народа или беды?: Как и кого защищали народники // Родина. 1996. № 2.
17. Утопический социализм в России. М., 1985.
18. Ткачев П.Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы. Т. III. М., 1933.
19. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992.
20. Клевенский М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1927.
21. Левицкий В. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.; Л., 1928.
22. Памятники агитационной литературы. Т. 1. М.; Пг., 1923.
23. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. М.; Л., 1964.